

ГЛАВА IV.

Я не упал в обморок, но от усилий осознать свое положение у меня сильно закружилась голова, и я помню, что моему спутнику пришлось сильно поддержать меня, когда он вел меня с крыши в просторную квартиру на верхнем этаже дома, где он настоял на том, чтобы я выпил стакан или два вина. У хозяина было хорошее вино и легкая закуска.

"Я думаю, что теперь с тобой все будет в порядке", - весело сказал он. "Я не стал бы прибегать к столь резким средствам, чтобы убедить вас в вашей ситуации, если бы ваш поступок, хотя и вполне простительный в данных обстоятельствах, скорее не вынудил меня сделать это.

Признаюсь, - добавил он, смеясь, - одно время я немного опасался, что подвергнусь тому, что, по-моему, вы привыкли называть нокдауном в девятнадцатом веке, если не буду действовать достаточно быстро. Я вспомнил, что бостонцы вашего времени были знаменитыми боксерами, и решил, что лучше не терять времени. Я так понимаю, теперь вы готовы снять с меня обвинение в том, что я вас обманул."

"Если бы вы сказали мне, - ответил я, охваченный глубоким благоговением, - что с тех пор, как я в последний раз смотрел на этот город, прошла тысяча лет вместо ста, я бы вам поверил".

"Прошло всего столетие, - ответил он, - но многие тысячелетия в мировой истории были свидетелями менее экстраординарных изменений".

"А теперь, - добавил он, протягивая руку с видом непреодолимой сердечности, - позвольте мне сердечно поприветствовать вас в Бостоне двадцатого века и в этом доме. Меня зовут Лите, они зовут меня доктор Лите."

"Меня зовут, - сказал я, пожимая ему руку, - Джулиан Уэст".

"Я очень рад познакомиться с вами, мистер Уэст", - ответил он. "Видя, что этот дом построен на вашем собственном участке, я надеюсь, вам будет легко чувствовать себя в нем как дома".

После того, как я подкрепился, доктор Лите предложил мне принять ванну и сменить одежду, чем я с радостью воспользовался.

Не похоже, чтобы среди великих перемен, о которых говорил мой хозяин, была какая-то поразительная революция в мужской одежде, поскольку, за исключением нескольких деталей, мои новые одеяния меня совсем не озадачили.

Физически я теперь снова был самим собой. Но мысленно, как это было со мной, читатель, несомненно, задастся вопросом. Возможно, он пожелает узнать, каковы были мои интеллектуальные ощущения, когда я обнаружил, что так внезапно попал, в так сказать, новый мир. В ответ позвольте мне попросить читателя представить, что он внезапно, в мгновение ока, перенесся с земли, скажем, в Рай или Ад. Каким, по его мнению, был бы его собственный опыт?

Вернутся ли его мысли сразу к земле, которую он только что покинул, или он, после первого потрясения, на некоторое время забудет свою прежнюю жизнь, хотя и вспомнит позже, в интересе, возбужденном его новым окружением? Все, что я могу сказать, это то, что если бы его опыт был хоть немного похож на мой в описываемом мной переходе, последняя гипотеза оказалась бы правильной.

Впечатления изумления и любопытства, вызванные моим новым окружением, после первого

шока заняли мой разум, вытеснив все остальные мысли. На какое-то время память о моей прежней жизни как бы отошла на второй план.

Как только я почувствовал, что физически восстановился благодаря любезным услугам моего хозяина, мне захотелось вернуться на крышу дома; и вскоре мы удобно устроились там в мягких креслах, а город был внизу и вокруг нас. После того, как доктор Лите ответил на многочисленные вопросы с моей стороны о древних достопримечательностях, которые я пропустил, и о новых, которые пришли им на смену, он спросил меня, какая точка контраста между новым и старым городом поразила меня больше всего.

"Если говорить о мелочах перед великим, - ответил я, - я действительно думаю, что полное отсутствие дымоходов и их дыма - это деталь, которая сначала произвела на меня впечатление".

"Ах!" - воскликнул мой спутник с видом большого интереса. "Я совсем забыл о дымоходах, они так давно вышли из употребления. Прошло почти столетие с тех пор, как грубый способ сжигания, от которого вы зависели в получении тепла, устарел."

"В целом, - сказал я, - что меня больше всего впечатляет в городе, так это материальное процветание людей, которое подразумевает его великолепие".

"Я бы многое отдал за то, чтобы хотя бы мельком взглянуть на Бостон вашего времени", - ответил доктор Лите. "Без сомнения, как вы намекаете, города того периода были довольно убогими. Если бы у вас был вкус, чтобы сделать их великолепными, в чем я не был бы настолько груб, чтобы подвергать сомнению. То общая бедность, вызванная вашей экстраординарной промышленной системой, не дала бы вам средств."

Более того, чрезмерный индивидуализм, который тогда преобладал, был несовместим с большим общественным настроением. То небольшое богатство, которое у вас было, кажется, почти полностью было расточено в частной роскоши. В наши дни, напротив, нет такой привычки, вкладывать избыточное богатство в как украшение города, которым все пользуются в равной степени".

Солнце уже садилось, когда мы вернулись на крышу дома, и пока мы разговаривали, на город опустилась ночь.

"Становится темно", - сказал доктор Лите. "Давайте спустимся в дом; я хочу представить вам свою жену и дочь".

Его слова напомнили мне женские голоса, которые я слышал, шепчущиеся обо мне, когда я возвращался к сознательной жизни; и, очень любопытно было бы узнать, какими были дамы 2000 года. Я с готовностью согласился на предложение. Комната, в которой мы нашли жену и дочь моего хозяина, а также весь интерьер были наполнены мягким светом, который, как я знал, должен был быть искусственным, хотя я не мог обнаружить источник, из которого он исходил.

Госпожа Лите была исключительно красивой и хорошо сохранившейся женщиной примерно возраста своего мужа, в то время как дочь, которая была в первом расцвете женственности, была самой красивой девушкой, которую я когда-либо видел. Ее лицо было настолько очаровательным, насколько это могли сделать глубокие голубые глаза, нежный цвет лица и совершенные черты, но даже если бы ее лицу не хватало особого очарования, безупречная пышность ее фигуры обеспечила бы ей место красавицы среди женщин девятнадцатого века.

Женственная мягкость и деликатность в этом прелестном создании восхитительно сочетались с внешностью здорового и изобилующего физической энергией человека, которой слишком часто не хватало девицам, с которыми я мог бы ее сравнить. Совпадение, ничтожное по сравнению с общей странностью ситуации, но все же поразительное, что ее звали Эдит.

Последовавший за этим вечер, безусловно, был уникальным в истории светского общения, но предполагать, что наш разговор был особенно напряженным или трудным, было бы большой ошибкой. Я действительно верю, что именно при так называемых неестественных, в смысле экстраординарных, обстоятельствах люди ведут себя наиболее естественно, без сомнения, по той причине, что такие обстоятельства изгоняют искусственность.

Во всяком случае, я знаю, что мое общение в тот вечер с этими представителями другой эпохи и мира было отмечено простодушной искренностью и прямоотой, которые редко увенчивают долгое знакомство. Без сомнения, во многом этому способствовал изысканный такт моих хозяев.

Конечно, нам не, о чем было говорить, кроме странного опыта, благодаря которому я там оказался, но они говорили об этом с интересом, настолько наивным и непосредственным в его выражении, что в значительной степени избавили тему от элемента странного и сверхъестественного, который так легко мог бы быть подавляющим. Можно было бы предположить, что у них вошло в привычку развлекать беспризорников из другого века, настолько совершенен был их такт.

Что касается меня, то я никогда не помню, чтобы работа моего ума была более бдительной и острой, чем в тот вечер, или чтобы мои интеллектуальные чувства были более обостренными. Конечно, я не имею в виду, что сознание моего удивительного положения на мгновение вылетело из головы, но его главным эффектом до сих пор было создание лихорадочного приподнятого настроения, своего рода психического опьянения.

Объясняя это душевное состояние, следует помнить, что, за исключением темы наших бесед, в моем окружении не было почти ничего, что указывало бы на то, что со мной случилось. В квартале от моего дома в старом Бостоне я мог бы найти гораздо более чуждые мне социальные круги. Речь бостонцев двадцатого века отличается от речи их культурных предков девятнадцатого еще меньше, чем речь последних от языка Вашингтона и Франклина, в то время как различия между стилем одежды и мебелью двух эпох не более заметны, чем, насколько я знаю, делает мода во времена одного поколения.

Эдит Лите почти не участвовала в разговоре, но когда несколько раз магнетизм ее красоты привлекал мой взгляд к ее лицу, я обнаруживал, что ее глаза устремлены на меня с поглощенной интенсивностью, почти как зачарованные. Было очевидно, что я возбудил ее интерес до необычайной степени, что неудивительно, если предположить, что она девушка с богатым воображением. Хотя я предполагал, что любопытство было главным мотивом ее интереса, это не могло не подействовать на меня так, как не подействовало бы, будь она менее красива.

Доктор Лите, а также дамы, казалось, были очень заинтересованы моим рассказом об обстоятельствах, при которых я отправился спать в подземную камеру. У всех были предложения, объясняющие то, что меня там забыли, и теория, с которой мы в конце концов согласились, предлагает, по крайней мере, правдоподобное объяснение, хотя является ли оно в деталях истинным, никто, конечно, никогда не узнает.

Слой пепла, обнаруженный над камерой, указывал на то, что дом был сожжен дотла. Пусть

будет предположено, что преступление имело место в ту ночь, когда я заснул. Остается только предположить, что Сойер погиб в огне или в результате какого-то несчастного случая, связанного с ним, а остальное вытекает достаточно естественно. Никто, кроме него и доктора Пиллсбери, не знал ни о существовании камеры, ни о том, что я был в ней, а доктор Пиллсбери, который в ту ночь уехал в Новый Орлеан, вероятно, вообще никогда не слышал о пожаре.

Мои друзья и общественность, должно быть, пришли к выводу, что я погиб в огне. Раскопки руин, если они не были тщательными, не выявили бы углубления в стенах фундамента, соединяющегося с моей комнатой. Безусловно, если бы это место было снова застроено, по крайней мере немедленно, такие раскопки были бы необходимы, но беспокойные времена и нежелательный характер местности вполне могли помешать восстановлению.

По словам доктора Лите, размер деревьев в саду, который сейчас занимает это место, указывает на то, что, по крайней мере, более полувека это была открытая местность.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/83668/2685731>